

Близняшки с идентичными чертами лица и разным цветом волос и глаз зовутся Нанако и Мимико. Желтоволосая и желтоглазая — старшая, Нанако, а темнокудрая и черноглазая — младшая, Мимико.

— Значит, вас тоже зовут Нанако и Мимико? — искренне обрадовался Гето Кибо.

Неудивительно, что при первой встрече в голове само собой всплыло слово «семья»: девочки оказались тёзками его старших сестёр. Даже цвет волос совпал! Вот только эти Нанако и Мимико — младшие.

«Эхе-хе, теперь я старший брат!»

Кибо тут же с восторгом поделился этим открытием с Гето Сугуру.

Сугуру молча окинул взглядом худеньких, исхудавших сестёр. Так вот они какие — те самые девчонки, утверждавшие, будто божество забеременело от небесного знамения. Посмотрев в их полные искренней благодарности и трепета глаза, Сугуру понял, что злиться на них просто не способен. Он тихо вздохнул и вытащил за рукав Иэири Сёко, которая до этого с упоением наблюдала за разворачивающейся комедией, уткнувшись в телефон. Сугуру пояснил, что лишь доставил их в колледж, а вылечила их именно Сёко своей способностью.

Немного помолчав, Сугуру добавил:

— Эта сестрица Сёко и дядя Яга — такие же, как мы.

«Мы все одной крови. Мы похожи, так что не бойтесь».

Нанако и Мимико послушно поблагодарили.

Что до страха, то его они и впрямь почти не испытывали. И пусть деревенские взрослые гнали их, оставив кучу ссадин и синяков, явившийся ниоткуда бог закрыл их собой, приняв на себя удары палок, а его лазурное пламя было таким ярким и прекрасным.

Даже когда он вдруг истёк кровью и упал без чувств, показанная им сила настолько напугала жителей, что те, хоть и заперли их в клетке, больше пальцем не тронули. Лишь заставили девчонок затащить бога внутрь, заперли замок и сбежали. А ссадины на лицах они получили сами, пока спотыкались на бегу.

За эти два дня никто к ним не приходил и еды не носил. Девчонки изнемогали от голода, да ещё и беспокоились из-за жара, пылавшего в теле божества. Это было ужасно.

При мысли об этом у обеих громко заурчало в животе. Сёстры густо покраснели от смущения.

Едва у них заурчало, как животик Кибо отозвался точь-в-точь таким же звуком.

Погладив свой пустой животик, мальчик на время забыл о досаде на незнакомца, умыкнувшего его красоту и висевшего на шее у Сугуру (с этой кражей-личности он разберётся при личной встрече), и немедленно заявил:

— Мама, я тоже хочу есть!

Нанако и Мимико тут же уставились на него с изумлением.

Мама?

Выходит, великий бог господин Гето — это мама маленького бога?

Погодите, но ведь господин Гето — мужчина! Мужчину же надо звать папой?

Впрочем, замешательство длилось лишь мгновение. Сёстры быстро нашли объяснение: дела божеств их не касаются. Если малый бог говорит «мама» — значит, мама!

Сугуру, глядя на их мгновенно изменившиеся лица, мысленно проклял своё идеальное зрение. Притвориться, будто он ничего не заметил, не получалось при всём желании. Взывать к разуму маленького Кибо было занятием бесполезным и опасным: тот свято помнил главный аргумент: «Если Тю-тяну можно звать тебя мамой, то почему мне нельзя? Тю-тян вообще приёмный, а я родной!»

На помощь пришёл Яга Масамити:

— Сначала пусть дети поедят, остальные разговоры потом.

Он набросал пару строк на листке из процедурного кабинета и уже собирался отправить проклятый труп в столовую, когда Кибо, цеплявшийся за одежду Сугуру, высунул голову из-за его плеча и с абсолютно хозяйским видом начал делать заказ:

— Дяденька, а на десерт я хочу кикифуку со вкусом эдамаме и взбитых сливок! — Мальчик осторожно покосился на выражение лица Сугуру и виновато добавил: — Штучки три... Ой, нет, двух хватит!

Он давно не был дома и ужасно соскучился по любимому лакомству. Раз уж он так долго терпел, мама ведь не будет против двух штучек? Он же не три попросил!

После этого он добродушно повернулся к Нанако и Мимико:

— А вы что хотите на десерт?

Мимико взглянула на сестру — сама она решений обычно не принимала, полагаясь на более сообразительную Нанако.

— Ну... — замялась Нанако. Они с сестрой выросли в глухой, нищей деревне Старого Кагеро. Самым большим лакомством, которое они пробовали при жизни родителей, были комочки компэйто по большим праздникам. Про какие-то там «кикуфуку» они и сдуру не слыхивали.

Не желая доставлять божеству хлопот, они могли бы согласиться на то же самое, но имели ли они право просить десерт, который заказал сам малый бог? Нанако колебалась.

Видя их замешательство, Кибо, у которого при одной мысли о сливочно-соевом десерте уже потекли слюнки, торопливо взмахнул ручкой:

— Да давайте тоже кикифуку со вкусом эдамаме! Я вам говорю, это самое вкусное лакомство в мире, вам точно понравится!

Спорить с божеством сёстры и не думали. Сгорая от восторга от внимания с его стороны, они дружно закивали:

— Да-да, как скажете, великий Кибо!

— Погодите, — вмешался Яга, глядя на эту троицу. — В нашей столовой нет никаких кикифуку. Если вы так хотите их попробовать... — Директор, глядя на настрадавшихся малышей, вздохнул. На вид он походил на босса якудза, но душевно был человеком мягким и детей искренне любил. — Разве что к вечеру получится достать.

Придётся отправлять кого-то в Сендай.

Яга к сладостям относился равнодушно и в них не разбирался, но среди его текущих учеников числился один отпетый сладкоежка — Годжо Сатору. Тот постоянно появлялся в классе с какими-то пирожными да дайфуку за щекой, так что директор поневоле нахватался бесполезных сведений.

Например, что кикифуку продаются в кондитерской Кикусуйан в городе Сендай префектуры Мияги, а в Токио филиалов нет. Чтобы их купить, нужно отстоять очередь, проехав предварительно пять часов на синкакансэне.

Все эти подробности Яга узнал, пока Сатору в очередной раз бубнил о своём любимом десерте. Годжо был из тех безумцев, что способны отмахнуть сотни километров ради вкусной еды. Но сейчас Яга и сам был готов отправить человека в Сендай, только бы порадовать троих сирот.

Впрочем, подумав ещё секунду, он намотал это решение на ус и уже собирался передумать.

— Кикуфуку со вкусом эдамаме и взбитых сливок не существует, — вдруг произнёс Сугуру. — Возьмите лучше дайфуку с красной фасолью. В нашей столовой они отличные, вам должно понравиться.

Сугуру вовсе не пытался обмануть малыша. В меню кондитерской Кикусуйан числилось восемнадцать видов кикуфуку — классические, повседневные, сезонные, — но со вкусом эдамаме и сливок среди них пока не выпускали. Значит, Кибо либо выдумывал, либо этот вкус ещё просто не появился в продаже.

А местные дайфуку с фасолью хвалил сам Сатору. Вкусы у этих двоих, судя по всему, совпадали.

— Э-э? Сегодня нет? — расстроился Кибо, но, будучи послушным мальчиком, капризничать не стал. — Ну ладно, тогда дайфуку с красной фасолью. Раз мама говорит, значит, так и надо.

Сёстры Хасаба тут же послушно закивали, с нетерпением ожидая упомянутое Гето лакомство.

Яга едва удержался от того, чтобы не покачать головой: а давать отпор что рослому белому коту, что маленькому чёрному котёнку Сугуру умел мастерски.

Как раз подходило время обеда. Можно было заодно взять порции и на троих взрослых. Повести детей в столовую напрямую не представлялось возможным: в этот час там собиралась слишком пестрая толпа, а показывать кому попало лицо Кибо было нельзя.

Токийский магический колледж лишь формально именовался школой. На деле же территория на горе Энъдзан кишела самым разным людом. Одарённые маги составляли ничтожную долю населения страны. Даже три великих клана — Годжо, Дзэнъин и Камо — не могли гарантировать, что в каждом поколении родятся способные шаманы, что уж говорить об обычных людях. В итоге колледж набирал единицы учеников в год, и три человека на курсе считались небывалым урожаем.

Зато здесь находился штаб по распределению миссий: половина магов брала задания в Токийском магическом колледже, а половина — в Киотском магическом колледже. А с поступлением Сёко Иэири, владевшей редчайшей обратной техникой, медкабинет превратился в полноценную операционную для тяжелораненых. К тому же глубоко под землёй располагался Дворец Таинственной Звезды — обитель господина Тенгена, охраняемая специальным отрядом Высшего совета.

Яга даже не сомневался: стоило личику Кибо мелькнуть в коридорах, как по всему магическому миру со скоростью лесного пожара разнесутся сплетни о любовных похождениях Годжо Сатору. А уж если этот сорванец при всех назовёт Сугуру «мамой», разразится такой скандал вокруг двух магов особого ранга, что хоть святых выноси.

От одной мысли об этом у директора перехватывало дыхание.

Проклятый труп, подхватив записку, молнией выскочил из медкабинета и помчался в сторону столовой.

В то же время в личном додзё Яги десяток вроде бы мирно сидевших на полках проклятых трупов одновременно вспыхнули глазами. Они дружно сорвались с мест и ринулись в «мастерскую», принявшись переворачивать все ящики.

Перед едой троих малышей следовало отмыть и переодеть. Детской одежды в колледже, разумеется, не держивали. Но Яга владел техникой «Управление марионетками» и обожал создавать плюшевых кукол. И хотя его творения выглядели как животные, к прошлым летним фестивалям он сшил для них неплохие юката. Выбрать из них пару подходящих по размеру одежонок не составляло труда.

В город за нормальными вещами уже отправили вспомогательного директора, но до ближайших магазинов было ехать не меньше двух часов.

Обязанности по умыванию детей легли на плечи Сугуру и Сёко.

Грязную одежду Кибо аккуратно повесили на вешалку.

Нанако и Мимико были одеты в совсем простенькое тряпье, превратившееся за дни скитаний в рванину. Ему была одна дорога — в мусорное ведро.

А вот кимоно Кибо — белое кимоно с синим узором стрекоз, без семейных гербов — слегка фонило особым типом проклятой энергии. Будучи проклятым одеянием высшего качества, оно лишь немного испачкалось в пыли и крови, но ничуть не порвалось. Выстирать — и можно носить снова.

Глядя на это кимоно, Яга на мгновение задумался.

Он помнил, каким был Сатору в детстве.

Рождение обладателя Шести Глаз пошатнуло баланс сил. На жизнь ребёнка покушались постоянно: на чёрном рынке за голову пятилетнего Годжо давали двести миллионов иен. Яга видел то знаменитое фото из досье: мальчик в точно таком же кимоно со стрекозами стоял посреди шумной киотской улицы. Вокруг бурлила жизнь, а он замер — отрешённый, холодный, подобно божеству, вознесшемуся над бренным миром.

Шесть Глаз, техника Бесконечности — Сатору с рождения стоял на вершине, к которой остальные цукались всю жизнь. Поначалу Яга думал, что такой человек навеки останется высокомерным истуканом. Но стоит признать: когда ледяное величие Годжо столкнулось с

внешне мягким, но отчаянно упрямым характером Гето Сугуру, между ними высеклась такая искра, что одинокий бог мгновенно превратился в обыкновенного взбалмошного подростка. Впрочем, Сугуру в своём юношеском максимализме ушёл от него недалеко.

Глядя на Кибо — куда более живого и улыбчивого, чем Сатору в его годы, — Яга с тоской подумал о будущем. Объясняться с Высшим советом о том, как именно Сатору и Сугуру умудрились «сойтись», придётся именно ему, как их классному руководителю.

«Господи, за что мне всё это...» — мысленно застонал Яга, уже представляя допросы стариков из Главного управления.

Впрочем, если приглядеться к лицу Кибо... Возможно, они всё же поторопились с выводами?

<http://bllate.org/book/19572/1934541>